

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-48-64

Петербургский Михаил Юрьевич

соискатель

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Ярославль, Россия

mpeterburgsky@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7559-0709

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
ПО УЕЗДАМ ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX в.**

Аннотация. В статье на материалах делопроизводственных источников изучаются логика и принципы распределения политических ссыльных по уездам губерний Европейского Севера России. Показаны механизмы взаимодействия органов власти в губерниях, рассмотрен вопрос корреляции степени неблагонадежности высылаемого с местом его водворения. Сделан вывод, что вопрос места ссылки последовательно решался на двух уровнях: министерском и губернском. Окончательное место ссылки определял губернатор. Переводы внутри губерний были частой практикой и становились для ссыльных как поощрением, так и наказанием.

Ключевые слова: Архангельская губерния, Вологодская губерния, гласный надзор, евреи, политические ссыльные, революционеры, РСДРП, северные губернии.

Для цитирования: Петербургский М. Ю. Распределение политических ссыльных по уездам губерний Европейского Севера России в начале XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 48–64. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-48-64>

Original article

UDC 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-48-64

Peterburgsky Mikhail Yu.

PhD Applicant

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Yaroslavl, Russia

mpeterburgsky@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7559-0709

DISTRIBUTION OF POLITICAL EXILES ACROSS THE UYEZDS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA' GOVERNORATES AT THE BEGINNING OF THE 20th century

Abstract. The article, based on office documents, studies the logic and principles of distributing political exiles across the uyezds of the European North of Russia' governorates. It shows the mechanisms of interaction between the authorities in the governorates, and examines the issue of the correlation between the degree of unreliability of the exiled person and the place of his exile. It is concluded that the issue of the place of exile was consistently resolved at two levels: ministerial and gubernatorial. The final place of exile was determined by the governor. Transfers within the governorates were a frequent practice and served as both a reward and a punishment for the exiles.

Keywords: Arkhangelsk Governorate, Vologda Governorate, public surveillance, Jews, political exiles, revolutionaries, RSDLP, northern governorates.

For citation: Peterburgsky M. Yu. Distribution of political exiles across the uyezds of the European North of Russia' governorates at the beginning of the 20th century // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 48–64. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-48-64>

Введение. Высылка административным порядком лиц, «вредных для государственного и общественного спокойствия, в какую-либо определенную местность Европейской или Азиатской России, с обязательством безотлучного пребывания там в течение назначенного срока»¹ была введена Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. За короткое время она стала популярной в России внесудебной мерой предупреждения и пресечения преступлений. На срок от одного до пяти лет политически неблагонадежные с точки зрения режима лица подлежали высылке из местностей, в отношении которых властью генерал-губернатора (а там, где они отсутствовали, властью губернатора и градоначальника) вводился режим усиленной охраны². В Санкт-Петербурге и Москве с губерниями, Одессе, Николаеве, Ростове-на-Дону,

¹ Обыск, тюрьма, ссылка. Женева, 1903. С. 23.

² Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 39.

Волынской, Киевской, Подольской и Харьковской губерниях режим усиленной охраны действовал непрерывно, сменяясь во время революции 1905–1907 гг. режимом чрезвычайной охраны.

Административная ссылка подразумевала не только принудительное водворение лица в специально отведенную для того местность, но и подчинение его гласному надзору полиции и, как следствие, определенной системе правил и ограничений. Несмотря на указ Сената о том, что административная высылка могла применяться исключительно к подозреваемым в совершении государственных преступлений, причастности к ним или в принадлежности к революционным организациям, *de facto* она применялась гораздо шире³. В результате наряду с профессиональными революционерами в ссылку зачастую отправлялись далекие от политики обыватели, попавшие в немилость местных властей, многочисленные группы крестьян, причастных к аграрным беспорядкам 1905 г.⁴, и другие лица, заподозренные в активности против царского режима.

В статье предпринята попытка отследить логику и механизмы распределения политических ссыльных губернаторами по уездам вверенных им губерний. Источниковой базой данной статьи стали архивные материалы, выявленные автором в Государственном архиве Вологодской области, а также воспоминания лиц, подвергнутых административной ссылке. Многие архивные материалы вводятся в научный оборот впервые; даты приводятся по старому стилю.

Ход и результаты исследования. Вологодская губерния начала XX в. — это «край малонаселенный, славящийся бездорожьем, лютыми морозами, суровыми лесами и непроходимыми болотами»⁵. Близость к столицам, удобство сообщения с ними, суровый климат и патриархальные нравы жителей губернии сделали ее популярным местом административной ссылки, закрепив за ней репутацию «Подстоличной Сибири»⁶. По «высочайшему повелению» в уездах Вологодской губернии перебывало несколько поколений русских революционеров разных политических течений⁷, прежде всего социал-демократов⁸, среди которых было много образованной интеллигенции⁹. Помимо членов РСДРП, вологодскую ссылку отбывали и представители других партий левого блока: Партии социалистов-революционеров (ПСР), Польской социалистической партии (ППС), бундовцы, анархо-коммунисты, среди которых были русские, поляки, евреи и представители

³ Земляков А. В. Административная ссылка в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Омский научный вестник. 2003. № 2 (23). С. 19.

⁴ Первая революция в России: взгляд через столетие / под ред. А. П. Корелина, С. В. Тютюкина. М., 2005. С. 221.

⁵ Вологодские адреса (из записной книжки Н. К. Крупской) // Красный Север. 1969. 7 ноября.

⁶ Панов Л. С. Вологодская ссылка // Москва – Вологодчина: времен связующая нить. Вологда, 2009. С. 126.

⁷ Их называли «искровцами» // Красный Север. 1983. 30 июля.

⁸ Политические ссыльные на Севере // Звезда. 1967. 2 сентября.

⁹ Вологодская ссылка (XIX – начало XX в.). Вологда, 2008. С. 2.

других народов¹⁰. Практически тот же социальный и национальный состав представляли собой ссыльные Архангельской и Олонецкой губерний. Ссылка в последнюю была менее популярной, но и там были представители самых разных социальных и национальных групп, также принадлежавшие к разным, преимущественно к социалистическим партиям¹¹.

Наиболее серьезных противников царского режима власти старались размещать в Восточной Сибири. Вологодская губерния, по оценкам современников, считалась комфортным и даже почетным местом ссылки, несмотря на то что статистика направления туда насчитывала до нескольких сотен человек в год¹². Приблизительно таким же легким наказанием считалась ссылка в Олонецкую губернию; чуть более тяжелым — в Архангельскую, ввиду трудности для ссыльных приискать занятия и суровости арктической зимы¹³.

Русско-японская война, а затем и революция 1905–1907 гг. обусловили массовую ссылку на Европейский Север. 30 января 1904 г., через три дня после начала войны, иркутский генерал-губернатор граф П. И. Кутайсов направил в Главное тюремное управление телеграмму с просьбой приостановить отправку ссыльных из Европейской России, поскольку ввиду объявленной мобилизации военное ведомство отказало в назначении конвоиров для сопровождения этапов, а Якутский тракт был занят передвижением запасных воинских чинов. Аналогичное ходатайство было направлено в МВД, и политически неблагонадежные жители империи, ожидавшие этапа в Сибирь, стали отправляться в губернии Европейского Севера¹⁴. Член РСДРП, писатель и публицист Юлиан Лавринович вспоминал: «...я узнал, что мне назначена более легкая кара: ссылка на три года в Архангельскую губернию. Мы избавлены были от Восточной Сибири, но причиною этого была, конечно, не “мягкость” Плеве, а начавшаяся русско-японская война, вследствие которой перевозка политических в Сибирь была приостановлена»¹⁵. Окончательно массовый характер ссылка на Европейский Север приобрела в годы реакции (с 1906 г.)¹⁶. К концу 1907 г. в Архангельской губернии ссыльных было около 1500 чел., а на 5 сентября 1908 г. — уже 2358¹⁷. В 1908 г. политические ссыльные составляли около половины из 1775 ссыльных Олонецкой губернии¹⁸.

¹⁰ Таскаев М. В. Политическая ссылка и репрессивный аппарат на европейском Северо-Востоке Российской империи в начале XX столетия // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 4 (4). С. 81.

¹¹ Славнитский Н. Р. Ссылка в Олонецкую губернию накануне Первой российской революции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 74.

¹² Калашиникова Н. В. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX веков // Европейский Север в судьбе России. Вологда, 2005. С. 118.

¹³ Ильинский М. В. Архангельская ссылка. Бытовые очерки из истории Архангельской политической ссылки. СПб., 1906. С. 123–124.

¹⁴ Славнитский Н. Р. Указ. соч. С. 72.

¹⁵ Лавринович Ю. Н. В архангельской ссылке // Былое. 1907. № 4. С. 261.

¹⁶ Серов И. Вологодская ссылка // Вестник знания. 1909. № 8–9. С. 229.

¹⁷ Калашиникова Н. В. Указ. соч. С. 121.

¹⁸ Паишов А. М. Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX в.: опыт переосмысления // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 2. С. 121.

К месту ссылки следовали за свой счет или этапным порядком. Следование за свой счет влекло покрытие ссыльным издержек на его доставку и выплату кормовых сопровождающему жандарму¹⁹. В составе этапа добирались ссыльные, признанные властями наиболее опасными, или те, кто не имел достаточных средств для самостоятельного проезда. «Объявили мне приговор — 3 года гласного надзора в Архангельской губернии. Спрашивали, как поеду: на свой или на казенный счет? На казенный, конечно. Где же мне было достать сотню рублей, чтоб добраться до Архангельска? Отправили этапом. Все расстояние шел пешком, кроме как из Ярославля до Вологды», — вспоминал рабочий-революционер А. Фишер²⁰.

В дорогу ссылаемым дозволялось брать личные вещи. Так, с обвиняемым в революционной пропаганде крестьянином Павлом Трибулевым, следовавшим этапом из Харькова, в вологодскую ссылку отправилось имущество весом в 30 фунтов. В его состав входили: пиджак белый (1 шт.), брюки (1 пара), полотенце 4 шт., табаку $\frac{1}{4}$ фунта, спичек 1 пачка, гильз 1 коробка, кальсон 5 пар, рубашек 5 шт., платков носовых 4 шт., носков 4 пары, стакан и блюдце, ложечка чайная (1 шт.), ботинки (1 пара), мыла 1 кусок²¹. Прибывая в губернский город, ссыльные, ехавшие за свой счет, часто останавливались в гостинице, тогда как прибывшие этапным порядком до личной аудиенции у губернатора, который определял окончательное место ссылки в пределах вверенной ему губернии, помещались в местную тюрьму. В губернском центре ссыльного знакомили с Положением о полицейском надзоре от 1882 г. и комментариями к нему, где были регламентированы его обязанности²².

Аудиенция у губернатора и произведенное на него впечатление играли решающую роль в размещении ссыльного: «не все равно, попасть ли в глухие дебри Архангельской губернии, куда-нибудь в Пустозерск, Колу, Александровск, или остаться в самом Архангельске. Условия жизни... слишком разнятся в зависимости от места жительства ссылаемого»²³. Тем не менее разрешение этого вопроса во многом зависело от тяжести вменяемых ссыльному деяний, а также от степени его раскаяния. Юлиан Лавринович так описывал встречу с архангельским губернатором Н. А. Римским-Корсаковым: «Я предстал пред лицом человека, которому была вверена моя дальнейшая судьба. Это был весьма корректного вида господин с немного инглизированной внешностью, в контр-адмиральском сюртуке, застегнутом на все пуговицы.

— Вы г. Лавринович? — приветливо обратился ко мне губернатор.

Я ответил утвердительно.

¹⁹ Овечкина С. Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: вторая половина XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. С. 12.

²⁰ Фишер А. В России и в Англии: наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890–1921 гг.). М., 1922. С. 31.

²¹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 2. Д. 2507. Л. 1. Л. 2.

²² Овечкина С. Ю. Указ. соч. С. 12.

²³ Ильинский М. В. Указ. соч. С. 14.

Приняв от старшего жандарма пакет и расписавшись в получении его и прилагаемой к нему моей личности, Н. А. Римский-Корсаков отослал жандармов в переднюю комнату и стал расспрашивать меня о деле, по которому я подвергнут был ссылке.

— Я оставил бы вас в Архангельске, — сказал он, переходя после вопросов в официальный тон, — если бы вы дали мне обещание не участвовать в беспорядках и сходках и не поддерживать близких отношений с политическими ссыльными.

— Я не могу дать вам обещания не поддерживать общения с ссыльными, — отвечал я. — Ведь это мои товарищи по участи, многих из них я знаю по Петербургу, да и вообще, это — единственное общество, с которым, в моем положении, я могу и захочу сойтись.

— О, нет, — возразил мне губернатор, — я вовсе не требую, чтобы вы с ними не знакомились, но надеюсь, что от этого не произойдет никаких беспорядков.

Я молчал; молчал и губернатор. Прошла минута этого неловкого молчания.

— Ну, так вот, — прервал губернатор наше молчание, — для опыта я оставляю вас в Архангельске, но прошу вас не забывать, что если вы будете неспокойны, то я вынужден буду выслать вас в уезд.

Я поклонился, и аудиенция наша окончилась. Губернатор позвал жандармов и объявил им, что конвой для меня более не нужен, и они могут возвращаться в Петербург, а мне предложил отправиться в управление Архангельского полицеймейстера для регистрации и получения вида на жительство²⁴.

Несмотря на важность аудиенции у губернатора, степень его самостоятельности в определении места ссылки была относительна. Решение об административной ссылке принимало образуемое согласно ст. 34 Положения о государственной охране Особое совещание, состоявшее из пяти человек — представителей Министерства внутренних дел и Министерства юстиции; утверждал это решение министр внутренних дел²⁵. На совещании определялся регион, куда подлежал отправке ссылаемый. Однако формулировки, содержащиеся в постановлениях министра внутренних дел о высылке лиц, разнообразны. Например, неблагонадежное лицо могло подлежать высылке «в одну из северных губерний Европейской России», «в Вологодскую губернию», «в отдаленные уезды Вологодской губернии». Так, в 1906 г. при рассмотрении в Особом совещании обстоятельств дела о содержащихся под стражей в Богодуховской тюрьме лицах, обвиняемых в противоправительственной агитации среди крестьян Сумского уезда, министр внутренних дел постановил «выслать названных лиц в отдаленные уезды Вологодской губернии под гласный надзор полиции на три года»²⁶. В таких случаях губернатор, подчиняясь постановлению министра, не мог оставить ссыльного в губернском центре.

²⁴ Лавринович Ю. Н. Указ соч. С. 262–263.

²⁵ Земляков А. В. Указ. соч. С. 18.

²⁶ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1–1об.

Делопроизводственные источники, выявленные нами в фондах Вологодского губернского жандармского управления (далее — ВГЖУ) и канцелярии вологодского губернатора, свидетельствуют о случаях, когда ссыльному предоставлялась возможность выбрать место водворения по своему вкусу. Так, выбор земского фельдшера Дмитрия Костина пал на Вологду, куда он прибыл 13 ноября 1906 г. из Вятской губернии²⁷. Такое же право было дано потомственному почетному гражданину Аркадию Петровых, но с ограничением в виде столиц, столичных и Ярославской губерний. Местом жительства Петровых избрал г. Грязовец Вологодской губернии, куда и отправился из Рыбинска с проходным свидетельством 14 июня 1907 г. Его товарищи, мещане С. Проскурин и Д. Марков, содержащиеся в Рыбинской тюрьме, отправились в Вологодскую губернию этапом. МВД не отказало Петровых и в просьбе отбыть остающийся срок подчинения гласному надзору полиции в другом месте, и из Грязовца Петровых впоследствии переехал в Смоленск²⁸. В 1909 г. министр внутренних дел санкционировал переезд бывшему учителю Константину Ташевскому, и тот для отбытия остающегося срока надзора полиции выбыл из Усть-Сысольска Вологодской губернии в Бердянск²⁹.

В ряде постановлений МВД содержатся конкретные ограничения, касающиеся мест, проживание в которых для ссылаемого недоступно. Так, дворянину Логгину Пантелееву и его жене на три и на два года соответственно воспрещено «жительство в столицах, столичных губерниях, университетских городах и фабричных местностях»³⁰. Более точную картину запрещенных для проживания местностей МВД определило для крестьянки Акулины Бяковой, которая проживала в столице около семи лет, работая на местных фабриках. В течение года ей запрещено жительство не только в столицах, но и в губерниях, столичных, Тверской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Тульской, Калужской и Орловской. В этом присутствует своя логика: как отметил помощник начальника ВГЖУ в Велико-Устюжском уезде в рапорте вологодскому начальству, перечисленные губернии отличаются «наибольшей фабричной производительностью и фабричным населением, а отсюда можно предполагать, что Бякова была причастна по С.-Петербургу к фабричным беспорядкам...»³¹.

Повышенное внимание власти уделяли размещению наиболее активных революционеров, которые «чаще всего ссылались в дальние уезды губернии»³². После Первой русской революции, когда города Вологодской губернии до отказа наполнились ссыльными³³, в «такие медвежьи, в прошлом, уезды обширной

²⁷ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1311. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 2691. Л. 1. Л. 16.

²⁹ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3851. Л. 20.

³⁰ Там же. Ф. 129. Оп. 3. Д. 244. Л. 1об.

³¹ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 270. Л. 7–7об.

³² Овечкина С. Ю. Указ. соч. С. 13.

³³ В годы реакции, наступившей после поражения революции 1905–1907 гг., количество ссыльных в Яренске превышало число местного населения, в Сольвычегодске с населением

Вологодской губернии, как Усть-Сысольский, Никольский, Яренский и Тотемский, отсылались наиболее опасные для правительства люди»³⁴.

Одним из таких людей был фабричный рабочий Петр Гончаров. Согласно агентурным сведениям, Гончаров, еще с 1907 г. принадлежавший к Московской организации Российской социал-демократической рабочей партии, отличался исключительным общим развитием и фанатичной преданностью делу местной подпольной организации, популяризировал в рабочих массах программу и идеалы РСДРП, распространял нелегальную литературу и играл «выдающуюся роль в деле побуждения рабочих к устройству стачек и демонстративных забастовок»³⁵.

В ночь с 12 на 13 апреля 1911 г. Гончаров был арестован при ликвидации Московской организации РСДРП. В качестве меры административного взыскания его на пять лет отправили в Сольвычегодск Вологодской губернии, откуда он подал прошение о переводе в Великий Устюг, «где бы он мог найти себе какую-либо работу». 19 июля 1912 г. начальник ВГЖУ полковник Конисский уведомил губернатора, что перевод Гончарова в Великий Устюг крайне нежелателен. 4 декабря 1912 г. Конисский, получив сведения от Сольвычегодского исправника о «вызывающем поведении ссыльного Гончарова и о нанесении им оскорблений полиции и объединении ссыльных», ходатайствовал перед губернатором о размещении Гончарова изолированно от прочих ссыльных назначением в наиболее отдаленные селения Удорского края (ныне в составе Республики Коми), поскольку тот является «безусловно неисправимым убежденным революционером». Губернатор внял доводам Конисского, и 1 января 1913 г. Гончаров в составе этапа был отправлен в село Селиб Яренского уезда, где он пробыл до 23 октября и за применением к нему Высочайшего указа от 21 февраля был от надзора освобожден, выбыв с бессрочной паспортной книжкой на родину, в Москву. Гончаров «за время бытности под надзором, поведения был плохого, держал себя с чинами полиции грубо и вызывающе, замечался в участии на сходках ссыльных», за что по распоряжению губернатора подвергался аресту на 5 суток³⁶.

Другим революционером, к вопросу размещения которого губернские власти также подошли с пристальным вниманием, был соратник Гончарова по Московскому отделению РСДРП, 24-летний крестьянин Валериан Плетнев, высланный в 1911 г. по распоряжению министра внутренних дел под гласный надзор полиции «в одну из северных губерний Европейской России сроком не менее трех лет». До задержания Плетнев вел организационно-пропагандистскую работу: занимался распространением среди фабрично-заводских рабочих нелегальной партийной литературы и организовал пропагандистский кружок

1200 жителей ссыльных было до 1000 человек. См.: Политические ссыльные на Севере // Звезда. 1967. 2 сентября.

³⁴ Члены РСДРП в тотемской ссылке // Ленинское знамя. 1967. 25 мая; 27 мая.

³⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5156. Л. 3 об.

³⁶ Там же. Л. 5–6. Л. 9. Л. 10–10 об.

для подготовки рабочих к «сознательной революционной деятельности в духе с.-д-ской партийной программы»³⁷.

4 апреля 1911 г. Плетнев был задержан в пьяном виде чинами наружной полиции на улице, а 4 августа прибыл с этапом в г. Никольск. В Никольске он сразу же включился в подпольную работу и проявил себя как активный революционер. Там он близко сошелся со ссылкой Любовью Никольской, на которой задумал жениться, и для вступления в законный брак подал ходатайство о переводе из Никольска в Кадников. 26 декабря 1911 г. в канцелярию вологодского губернатора от начальника ВГЖУ Конисского пришел рапорт о том, что Плетнев принадлежит к числу убежденных партийных лиц и активных ссыльных Никольска. «Перевод его оттуда желателен, но было бы более желательно, чтобы он и его невеста Никольская были бы переведены в более отдаленное место, чем Кадников, напр. Великий Устюг, где они будут под лучшим надзором. Неблагоприятные сведения имеются и о Никольской»³⁸.

Губернатор согласился с предложением Конисского, и 6 февраля 1912 г. Плетнев прибыл в Великий Устюг, где того же числа был подчинен гласному надзору местной полиции. Однако уже 7 марта Конисский получил от своего помощника ротмистра Плотто ходатайство о переводе ссыльного Плетнева «из гор. Устюга куда-либо в другое место ссылки». Поскольку Плотто не обосновал необходимость перевода, Конисскому пришлось сделать это за него. Он поставил на вид помощнику неполноту ходатайства («...на будущее время в донесениях Ваших с ходатайством о переводе кого-либо из ссыльных в другое место подробнее излагайте об основаниях ходатайства») и, так как репутация ссыльного Плетнева была известна, в письме губернатору изложил эти основания сам. По предложению Конисского Плетнева отправили в Яренск, где у него «не было бы такого близкого ему круга ссыльных, какой у него создавался в Устюге»³⁹. Отбыв положенный срок гласного надзора, Плетнев 28 июня 1914 г. выбыл на жительство в Москву⁴⁰.

Если постановлением МВД ссыльному предписывалось следовать в отдаленные уезды губернии или встреча с губернатором не возымела желательного эффекта и местом ссылки все же был определен медвежий угол, ссыльные, чтобы остаться в губернском городе, отсрочить отправку в глухой уезд или выбраться из него, старались использовать широкий арсенал доводов. К самым распространенным доводам, фигурирующим в прошениях ссыльных на имя «начальника губернии», относятся ссылки на состояние здоровья. Так, обращаясь к вологодскому губернатору в ноябре 1912 г., революционер и публицист Вацлав Воровский просит разрешения остаться на жительстве в Вологде

³⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5149. Л. 2 об. – 3.

³⁸ Там же. Л. 5.

³⁹ В 1912–1913 гг. число ссыльных в Яренске уменьшилось приблизительно до пятидесяти человек: «частью за освобождением их и возвращением на родину, а также вследствие выселения в села и деревни». См.: *Оглоблин Н. Н.* Политические ссыльные на Вычегде // Исторический вестник. 1913. Т. 132. № 6. С. 919.

⁴⁰ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5149. Л. 7–8. Л. 10–13.

«впредь до выздоровления». Воровский, страдающий «затвердением поясных позвонков и ревматическими явлениями в других суставах», уведомляет губернатора, что его болезнь требует специального лечения и наблюдения врача-специалиста, и прилагает к прошению два свидетельства: профессора хирургии Новороссийского университета и врача Вологодской тюремной больницы⁴¹. Ссылный Г. Луппо в феврале 1908 г. корреспондирует товарищу в Москву: «Все еще живу в Вологде, хотя губернатор и сказал, что я назначен в Кадников, но мне понравилась здешняя жизнь, и я способен даже заболеть, чтобы его превосходительство оставил меня здесь для лечения. Болезнь у меня выдающаяся, но поймут ли ее губернаторские врачи — вот вопрос, называется она “дельтовидная мышца правой руки, пораженная неполным параличом”»⁴².

Доводами, которые помогают ссылным обосновать необходимость переезда, являются также и вопросы их имущественного положения и материального довольствия. Трудность поиска работы, малый размер пособия и задержка его выдачи со стороны местных исправников⁴³ создавали для некоторых ссылных патовую ситуацию. Вместе с тем отдельные прошения о переводе удовлетворялись. Так, положительно разрешилось дело крестьянина Киевской губернии Пимена Уманца, находившегося под гласным надзором полиции в г. Яренске. В прошении от 4 июля 1909 г. Уманец обратился к губернатору с просьбой о переводе из Яренска в один из ближайших к железной дороге городов Вологодской губернии. Просьбу он обосновал тем, что срок гласного надзора заканчивается «в декабре месяце, когда морозы достигают до 35 градусов», после чего он должен отбыть на родину; однако за неимением средств и теплой одежды проезд из Яренска до ст. Котлас, через которую лежит его путь домой, для него затруднен. Губернатор удовлетворил прошение, и Уманца перевели в Грязовец⁴⁴. Меньше повезло ковенскому мещанину Э. Попляку, состоявшему под гласным надзором в селе Усть-Кулом Усть-Сысольского уезда. 20 сентября 1911 г. он безуспешно ходатайствует о переводе в Усть-Сысольск. Аргументом Попляка, пребывающего в затруднительном финансовом положении, служит невозможность найти занятие: по профессии он жестянщик и заработок, соответствующий его ремеслу, возможен только в городе. Местный уездный исправник поддержал ходатайство Попляка, однако тот, так и не дождавшись положительного решения губернатора, убыл в самовольную отлучку, из которой не возвратился⁴⁵.

Иногда в ходатайствах о переводе ссылные или их родственники указывают на желание поселиться недалеко от родных, но такого рода ходатайства не встречают поддержки у губернской администрации, которая стремится блокировать попытки ссылных сгруппироваться по какому-либо признаку.

⁴¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 5151. Л. 4.

⁴² Там же. Оп. 5. Д. 68. Л. 5.

⁴³ Письмо из тюрьмы: к положению политических ссылных (в Вологде) // Северная земля. 1906. № 107.

⁴⁴ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 3142. Л. 12 об. Л. 13–14.

⁴⁵ Там же. Оп. 5. Д. 263. Л. 12–13. Л. 16.

Так, Юлиан Закржевский, отец 18-летней Людмилы Закржевской, подлежащей высылке в отдаленные уезды Вологодской губернии за революционную агитацию, хлопотал о водворении своей внебрачной дочери в г. Кадников, где уже проживала ее мать, административно-ссыльная Лидия Коротнева. Губернатор отклонил прошение и назначил Закржевской местом жительства г. Никольск, куда та и прибыла с этапом 3 декабря 1907 г.⁴⁶

Среди административно-ссыльных Европейского Севера был высок процент выходцев из еврейской среды. Евреи активно включались в революционную борьбу, страдая от многочисленных притеснений местных властей; кроме того, положение еврейских рабочих было хуже, чем положение рабочих-христиан: последние работали преимущественно на заводах и фабриках, тогда как евреи — в мастерских, «где за нищенскую плату нередко трудились не только мужчины, но и женщины и дети»⁴⁷. Евреи расценивались властями как убежденные революционеры и по этой причине «всегда направлялись в отдаленные места губернии. Вследствие этого в городах Яренск, Усть-Сысольск, Никольск и селе Усть-Кулом почти всегда существовали довольно многочисленные группы еврейских ссыльных. Помещение в условия худшие, чем представителей титульной нации... подталкивало евреев к активной борьбе за свои права»⁴⁸. Так, в подаваемых ими ходатайствах о переводе административно-ссыльные евреи старались перечислить максимум факторов, которые должны были способствовать их водворению в более комфортные средовые условия.

Мещанин Витебской губернии Шмуил Бирезин, которому в качестве места отбывания срока надзора был назначен Яренск, 7 июля 1906 г. ходатайствует перед губернатором об оставлении в Вологде для лечения. На момент подачи прошения Бирезин находился в больнице и был неспособен следовать к месту ссылки. Городовой врач, освидетельствовавший Бирезина, заключил, что тот болен общим малокровием, хроническим катаром желудка и хроническим бронхитом, «каковые болезни требуют продолжительного лечения при условии проживания в г. Вологде или ближайших к нему городах, так как климат дальних уездов Вологодской губернии для Бирезина вреден». Яренск был заменен на Тотьму. 1 сентября 1906 г. Бирезин пишет новое прошение губернатору, в котором сетует на то, что в Тотьме нет молитвенного дома и духовного лица еврейского исповедания, вследствие чего он, не имея утешения религии, просит губернатора перевести его в Вологду, где имеется синагога. Бирезина вернули в Вологду через восемь месяцев — 8 мая 1907 г.⁴⁹

Состоянием здоровья и отсутствием в уездных городах Вологодчины еврейских религиозных учреждений обосновывал стремление остаться в губернском центре и ссыльный Моисей Рубанов. Но поскольку врачебное отделение

⁴⁶ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2936. Л. 2–3. Л. 6–6 об. Л. 9.

⁴⁷ Левитац И. Еврейская община России, 1772–1917. М., 2013. С. 471.

⁴⁸ Рычкова Н. Роль национальных групп в революционном движении во второй половине XIX — начале XX века // Вестник НСО. 2006. Вып. 4. С. 37.

⁴⁹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2093. Л. 1, 5, 8, 10, 14.

Вологодского губернского правления пришло к выводу, что он, как страдающий хроническим катаром желудка и головными болями, может лечиться в любом из городов Вологодской губернии, Рубанов был отправлен в назначенный ему губернатором Усть-Сысольск. Оттуда он снова пишет губернатору: «Ваше Превосходительство! Мне уже 37 лет. Вырос я и воспитывался при строгом соблюдении догматов своей веры, ни на йоту не отступая от них, так как видел в этом для себя смысл жизни. <...> Переведите меня в г. Вологду, где жизнь для таких людей, как я, более возможна». Губернатор прошение о переводе отклонил. Рубанов еще несколько раз обращался к губернатору, но прошения снова были отклонены. Однако 18 августа 1908 г. вологодский губернатор перенаправил министру внутренних дел прошение жены Рубанова, ходатайствующей о возвращении мужа из ссылки. Губернатор, имея от исправника сведения о Рубанове как о добропорядочном и неконфликтном человеке, подтвердил министру, что ссыльный поведения был одобрительного и ни в чем предосудительном не замечался. Обстоятельства дела о Рубанове были пересмотрены. 31 января 1909 г. он был освобожден из-под надзора полиции и выбыл с проходным свидетельством в г. Новозыбков Черниговской губернии, где его ждали жена и семеро детей⁵⁰.

Любопытной выглядит переписка, которую вела с властями губернии 21-летняя дочь купца из г. Ромны Фейга Левина, высланная на два года в «отдаленные уезды» Вологодчины. Левина, местом пребывания которой назначен г. Вельск, просит губернатора о переводе в более крупный Великий Устюг: «Страдая зубной болью и нуждаясь в помощи зубного врача, прошу разрешить мне переехать на время ссылки в Великий Устюг, где кроме медицинской помощи я буду иметь и материальную поддержку, так как там имеются у меня родственники». Медицинское освидетельствование, инициированное вследствие подачи прошения, выявило, что у Левиной «во рту имеется несколько порченных зубов, которые по временам болят». Тем не менее ходатайство о переводе было отклонено. Вскоре после этого Левина снова обращается к губернатору: «Ввиду того, что из-за сильной близорукости зрение у меня все более и более ухудшается, в Вельске мне не могут оказать никакой помощи, я прошу разрешить мне переехать в Вологду». Новое освидетельствование установило, что Левина, проводящая много времени в библиотеке, действительно близорука, носит очки, читает с большим трудом и на очень близком расстоянии. На этот раз губернатор пошел навстречу, разрешив Левиной выезд в Вологду и лечение у местного специалиста в течение двух недель. Левина, прибыв в разрешенную отлучку и стремясь закрепиться в губернском центре, еще несколько раз обращалась к губернатору с просьбами о лечении зубов, параллельно подавая прошения на материальную помощь (по обоим пунктам ей было отказано). Итогом активной переписки стало решение губернатора разместить Левину в Тотьме, где она пробыла с 27 января по 26 марта 1909 г.⁵¹

⁵⁰ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4273. Л. 11, 14–14 об., 25–26, 35–35 об., 40–41.

⁵¹ Там же. Д. 2550. Л. 1, 5, 20–22, 25, 26 а – 28, 33, 60, 80.

Если активность ссыльных попадала в поле зрения местных властей и казалась тем чрезмерной или они оказывались в немилости у губернатора, были замешаны в каком-либо инциденте или заподозрены во вредном влиянии, им грозил перевод на новое место. Таким образом, нередко ссыльные отбывали срок положенного гласного надзора не в одном населенном пункте. Так, в 1909 г. из Кадникова в Никольский уезд, «один из самых захолустных и далеких» районов Вологодской губернии, прибыла для дальнейшего отбывания срока ссылки группа социал-демократов. Все они были высланы из Кадникова за распространение нелегальной литературы, организацию нелегальных собраний, агитацию среди крестьян и неподчинение местной полиции⁵². 5 июля 1908 г. в Вологде были произведены аресты политических ссыльных, у которых 13 июня прошли безрезультатные обыски. 27 арестованных были высланы в разные города губернии: двое — в ближайший к Вологде Грязовец, остальные 25 — в Тотьму, Никольск, Вельск, Сольвычегодск, Усть-Сысольск и Яренск.

В новые места водворения ссыльные были отправлены этапным порядком, что в ряде случаев обуславливало длительное путешествие: так, в Усть-Сысольск этап добрался лишь спустя 52 дня. Ссыльные реагировали на переводы с недоумением: большинству из них до окончания срока гласного надзора оставалось несколько месяцев, а некоторым из них — несколько дней⁵³. За месяц до окончания срока ссылки был переведен из Вологды в Кадников некто Дрелинг: таким было наказание за перепалку с председателем земского собрания. Из Вологды в Тотьму перевели Анатолия Луначарского за то, что его корреспонденция в «Северном крае», как заявил об этом управляющий акцизным округом Миквич, вносила недовольство в среду рабочих Вологодского винного склада⁵⁴.

Власти стремились смешать в одном населенном пункте участников различных конкурировавших между собой политических организаций, полагая, что они не смогут достичь единодушия⁵⁵. Однако это не приводило к желательному результату: ссыльные быстро осваивались на новом месте и моментально налаживали там революционную работу. Это вызывало закономерное беспокойство губернских властей. Так, 30 апреля 1909 г. вологодский губернатор А. Н. Хвостов уведомлял начальника ВГЖУ о том, что с начала весны им наблюдается особое накопление ходатайств ссыльных о переводе в город Усть-Сысольск, «тщательно ими до сего времени избегавшийся». Эти ходатайства, по мнению губернатора, давали указания на подготовку в Усть-Сысольске «какой-либо противоправительственной организации», выяснение сути которой он поручил начальнику жандармского управления⁵⁶.

⁵² Их дум высокое стремление // Авангард. 1986. 17 июля.

⁵³ Растасовка ссыльных: город Кадников Вологодской губернии // Современное слово. 1908. 12 июля.

⁵⁴ Корреспонденция из Вологды: на страницах газеты «Искра» // Красный Север. 1976. 27 февраля.

⁵⁵ Овечкина С. Ю. Указ. соч. С. 13.

⁵⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3154. Л. 21.

Губернаторы северных губерний занимали разную позицию в отношении ссыльных, однако в целом их политику нельзя охарактеризовать как строго репрессивную, как это подавалось во многих источниках советского периода. Вологодские губернаторы Л. М. Князев и его преемник А. А. Лодыженский не отличались административной жесткостью и оказывали ссыльным всевозможные послабления. Л. М. Князев напрямую высказывал некоторым чинам губернской администрации и полиции пожелание «ссыльных ни в чем не стеснять»⁵⁷. При А. А. Лодыженском, поведение которого «сильно отличалось от образа действия 99 % российских администраторов, в Вологде царили конституционные настроения». Книжные прилавки были полны конфискованной по всей России литературой, ссыльным предоставляли полную свободу. Бежавших ссыльных не преследовали. Если беглец вдруг возвращался, то его «снова включали на выдачу пайка и кончено»⁵⁸.

Пришедший на смену А. А. Лодыженскому ставленник Столыпина А. Н. Хвостов, имевший репутацию сильного управленца, постепенно ужесточил курс политики в отношении ссыльных. Однако и он, опасаясь ссыльных и ожидая с их стороны покушения на свою жизнь, серьезно преследовал только кадетов, в которых видел своих личных врагов⁵⁹. В начале срока полномочий А. Н. Хвостов делал ссыльным различные уступки и даже предпринял осенью 1907 г. известную попытку созыва съезда ссыльных для совместного обсуждения вопросов ссылки и выработки мер к улучшению их положения. На съезд пригласили и местных исправников; председателем был назначен начальник ВГЖУ. Ссыльные, усмотрев в этом провокацию, объявили, что они в совещании участвовать не будут и, предложив организовать совещание одних ссыльных наедине с губернатором, ушли⁶⁰. Губернатор тут же «послал вслед делегатам полицейских с требованием немедленно разъехаться по уездам, в противном случае они будут отправлены этапом. Съезд был сорван»⁶¹. С этого момента наметился перелом в отношении А. Н. Хвостова к политическим ссыльным. В вопросе их размещения он занял последовательную позицию и старался направлять ссыльных в наиболее отдаленные уезды Вологодской губернии. На его позицию влиял и местный отдел Союза русского народа, который оформился в Вологде в феврале 1906 г. и которому А. Н. Хвостов симпатизировал⁶². Члены местного отдела СРН считали, что все зло в «патриархальной Вологде происходит от политических ссыльных» и ходатайствовали перед губернатором об удалении ссыльных

⁵⁷ Коновалов Ф. Я. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Вологда, 2006. С. 130.

⁵⁸ Политическая ссылка: отрывки воспоминаний // Огонек. 1925. № 51 (142). С. 8–9.

⁵⁹ Трапезников В. В стране неволи // Каторга и ссылка. 1925. № 6 (19). С. 214.

⁶⁰ Кочетов П. Вологодская ссылка 1907–1910 // Каторга и ссылка. 1932. № 4. С. 79.

⁶¹ Политическая ссылка: отрывки воспоминаний // Огонек. 1925. № 51 (142). С. 8–9.

⁶² Егоров А. Н. Организации правых партий в городах Европейского Севера России в начале XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2. № 1 (46). С. 30.

из губернского центра⁶³. Так же как и А. Н. Хвостов, системы жесткой изоляции ссыльных придерживались архангельские губернаторы Н. А. Римский-Корсаков и Н. Г. фон Бюнтинг, расселяя их по отдаленным поселкам Печорского и Мезенского уездов⁶⁴. Однако на местах это далеко не всегда ограничивало свободу их передвижения. Так, ссыльный революционер, юрист Владимир Трапезников и его товарищи успешно обжаловали в Архангельском окружном суде решение мирового судьи, оштрафовавшего их по заявлению местного урядника за самовольную отлучку. Дело прекратили за отсутствием состава преступления, что дало ссыльным возможность беспрепятственно посещать друг друга в соседних селениях⁶⁵.

Заключение. Вопрос места водворения административно-высылаемого лица последовательно решался на двух уровнях. Особое совещание при министре внутренних дел чаще задавало лишь регион ссылки, тогда как окончательное место ссылки определял его губернатор, основываясь на результатах личной встречи со ссыльным и характере вменяемых ему деяний. Высылаемых на Европейский Север активных революционеров размещали в отдаленных уездах, менее «опасным» ссыльным позволяли остаться в Вологде, Архангельске и Петрозаводске.

Ссыльные старались избежать водворения в отдаленные уезды и закрепиться в губернских центрах. Ключевым инструментом для этого были прошения губернатору. Такие прошения выборочно удовлетворялись, однако губернские власти не проявляли благосклонности к членам РСДРП с активной партийной биографией и евреям, которых в революционной среде было много и которых власти расценивали как неисправимых революционеров.

Переводы ссыльных из уезда в уезд были нередки и использовались также как мера наказания и предотвращения организации подпольной революционной работы. Эти переводы часто инициировались по рекомендации губернского жандармского управления, которое обладало в этом вопросе правом совещательного голоса, получая информацию о поведении ссыльных от уездных исправников и доводя ее до сведения губернатора.

Литература

1. Андреев А. А. Из революционной деятельности рабочих революционеров в вологодской ссылке (1910–1912 гг.) // Авангардная роль пролетариата в революционном движении России (1895–1917 гг.). М.: [Б. и.], 1973. С. 89–99.

2. Егоров А. Н. Организации правых партий в городах Европейского Севера России в начале XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2. № 1 (46). С. 29–32.

⁶³ Вологда в последние годы Российской империи (начало XX века) // Насон — история города Вологды: сайт. URL: <https://nason.ru/posledniegodiiimperii/> (дата обращения: 06.11.2024).

⁶⁴ Ильинский М. В. Указ. соч. С. 56.

⁶⁵ Трапезников В. Указ. соч. С. 210.

3. Земляков А. В. Административная ссылка в Российской империи конца XIX – начала XX вв. // Омский научный вестник. 2003. № 2 (23). С. 17–20.
4. Калашникова Н. В. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX веков // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: материалы науч. конф. (5–6 февраля 2004 г.) / [редкол.: М. А. Безнин (гл. ред.) и др.]. Вологда: Вологод. ин-т права и экономики ФСИН России, 2005. С. 115–121.
5. Коновалов Ф. Я. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы: материалы научной конференции (Вологда – Молочное, 2–3 марта 2006 г.). Т. 1. Вологда – Молочное: Вологод. гос. молочнохоз. академия им. Н. В. Верещагина, 2006. С. 129–136.
6. Левитац И. Еврейская община России, 1772–1917. М.: Книжники, 2013. 656 с.
7. Овечкина С. Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. 21 с.
8. Пашков А. М. Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX в.: опыт переосмысления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 2. С. 112–126.
9. Первая революция в России: взгляд через столетие / под ред. А. П. Корелина, С. В. Тютюкина. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.
10. Рычкова Н. Роль национальных групп в революционном движении во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НСО. 2006. Вып. 4. С. 36–41. URL: 1378569_36-41.pdf
11. Славнитский Н. Р. Ссылка в Олонецкую губернию накануне Первой российской революции (по материалам архива министерства юстиции) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 70–75. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.90>
12. Таскаев М. В. Политическая ссылка и репрессивный аппарат на европейском Северо-Востоке Российской империи в начале XX столетия // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2010. № 4 (4). С. 80–86.

References

1. Andreyev A. A. Iz revoliutsionnoi deiatel'nosti rabochikh revoliutsionerov v vologdskoi ssylke (1910–1912 gg.) [From the revolutionary activities of workers-revolutionaries in exile in Vologda (1910–1912)] // Avangardnaia rol' proletariata v revoliutsionnom dvizhenii Rossii (1895–1917 gg.) [The vanguard role of the proletariat in the Russian Revolutionary movement (1895–1917)]. Moscow: [NP], 1973. P. 89–99. (In Russ.).
2. Yegorov A. N. Organizatsii pravyykh partii v gorodakh Evropeiskogo Severa Rossii v nachale XX veka [Organizations of right-wing parties in the cities of the European North of Russia at the beginning of the 20th century] // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets State University]. 2013. Vol. 2. № 1 (46). P. 29–32. (In Russ.).
3. Zemlyakov A. V. Administrativnaia ssylka v Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX vv. [Administrative exile in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries] // Omskii nauchnyi vestnik [Omsk Scientific Bulletin]. 2003. № 2 (23). P. 17–20. (In Russ.).

4. Kalashnikova N. V. Praktika politicheskoi ssylki na Evropeiskom Severe v XIX – nachale XX vekov [The practice of political exile in the European North in the 19th – early 20th centuries] // Evropeiskii Sever v sud'be Rossii: obshchee i osobennoe istoricheskogo protsessa: materialy nauchoi konferentsii (5–6 fevralia 2004 g.) [The European North in the fate of Russia: the general and special historical process: proceedings of the Scientific Conference (February 5–6, 2004)] / [eds: M. A. Beznin (chief editor) and others]. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki FSIN Rossii, 2005. P. 115–121. (In Russ.).

5. Konovalov F. Ya. Effektivnost' administrativnoi ssylki kak mery nakazaniia v nachale XX veka (po materialam Vologodskoi gubernii) [The effectiveness of administrative exile as a punishment measure at the beginning of the 20th century (based on the materials of the Vologda province)] // Evropeiskii Sever Rossii: traditsiia i modernizatsionnye protsessy: materialy nauchnoi konferentsii (Vologda-Molochnoe, 2–3 marta 2006 g.) [The European North of Russia: tradition and modernization processes: proceedings of the scientific conference (Vologda – Molochnoye, March 2–3, 2006)]. Vol. 1. Vologda – Molochnoe: Vologodskaiia gosudarstvennaia molochnokhoziaistvennaia akademiia im. N. V. Vereshchagina, 2006. P. 129–136. (In Russ.).

6. Levitats I. Evreiskaia obshchina Rossii, 1772–1917 [The Jewish community in Russia, 1772–1917]. Moscow: Knizhniki, 2013. 656 p. (In Russ.).

7. Ovechkina S. Yu. Zhenskaia politicheskaiia ssylka v Arkhangel'skoi gubernii: vtoraiia polovina XIX – nachalo XX vv. [Female political exile in the Arkhangelsk province: second half of the 19th – early 20th centuries]: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Arkhangel'sk, 2005. 21 p. (In Russ.).

8. Pashkov A. M. Politicheskaiia ssylka i razvitie kraevedeniia na Russkom Severe v XIX – nachale XX v.: opyt pereosmysleniia [Political exile and the development of local studies in Northern Russia in 19th – early 20th centuries: experience of rethinking] // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian History. 2011. № 2. P. 112–126. (In Russ.).

9. Pervaia revoliutsiia v Rossii: vzgliad cherez stoletie [The First revolution in Russia: a century later] / edited by A. P. Korelin, S. V. Tyutyukin. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2005. 602 p. (In Russ.).

10. Rychkova N. Rol' natsional'nykh grupp v revoliutsionnom dvizhenii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The role of national groups in the Revolutionary movement in the second half of the 19th – early 20th century] // Vestnik NSO. 2006. Vyp. 4. P. 36–41. (In Russ.).

11. Slavnitsky N. R. Ssylka v Olonetskuuiu guberniiu nakanune Pervoi rossiiskoi revoliutsii [The exile to Olonets province on the eve of the First Russian revolution (on the archive materials of the ministry of justice)] // Proceedings of Petrozavodsk State University. 2018. № 2 (171). P. 70–75. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.90> (In Russ.).

12. Taskayev M. V. Politicheskaiia ssylka i repressivnyi apparat na evropeiskom Severo-Vostoke Rossiiskoi imperii v nachale XX stoletiiia [The political exile and the repressive machinery in the European North-East of the Russian Empire in the beginning of 20th century] // Proceedings of the Komi Science Centre Ural Branch Russian Academy of Sciences. 2010. № 4 (4). P. 80–86. (In Russ.).